

Середина апреля 1945 года. Освобожденная от фашистов Вена, притихшая, настороженная. День клонится к вечеру. Моросит дождь. На одном из постов, выставленных неподалеку от штаба, тайком от командиров покуривает советский солдатик. Вид у него неказистый – маленький, худенький, шея болтается в воротнике гимнастерки. Зато на плече автомат, а в карманах полно сигарет – накануне разминировали табачную фабрику. Нет-нет, не мародерствовали, боже упаси! Австрийцы сами охотно угощали, благодарили за то, что ужасы и кошмары войны теперь позади.

Сигареты для короля оперетты

Покуривает в ладонку солдат, смотрит по сторонам. И видит, что какой-то дедок на противоположной стороне улицы давно переминается с ноги на ногу, на него, освободителя (или оккупанта?), поглядывает. Наверное, продукты будет просить. Многие венцы придут – изголодались... «Ком!» – крикнул часовой и махнул рукой: иди, мол, ко мне. Старик подошел. В длинном пальто, на голове причудливая фуражка с пряжкой. «Угощайся, дед!» Солдат достал из кармана и отдал целую пачку. Незнакомец поблагодарил, жадно закурил, но не ушел.

«Приложил руку к груди и говорит что-то вроде: «Их бин компанист», – рассказывает мне в уютной львовской квартире Владислав Александрович Швец, тот самый часовой из апреля 45-го. – «Все вы теперь компанисты, то есть композиторы, – ответил я ему. – Гитлер капут, так что будем дружить».

А старик опять показывает на себя, повторяет: «Их бин компанист». И вдруг начинает тихонько напевать знакомую мелодию. Владислав сразу уловил ее, потому что оркестр, в котором он играл до войны, часто исполнял попури из произведений Легара. Особо нравилась оперетта «Веселая вдова». Чувствует солдат: именно эту мелодию и напевает дед, хоть и с опаской. Швец ему подпел. Тот даже просил, стал о чем-то торопливо спрашивать. Швец по-немецки понимал, ведь два года в оккупации провел, да и воевал уже два с лишним года. В общем, разобрались, что к чему. Незнакомец признал в русском музыканта, хотя тот и объяснял, что нет, мол, он простой солдат.

Наверное, со стороны все это выглядело комично: шупленький молоденький солдат – Владиславу в ту пору всего-то было 18 лет – с автоматом и изможденный старик напевают по-русски и по-немецки одни и те же арии из оперетты. А когда собеседник назвал Легаром, солдат совсем ошалел. Всемирно известный композитор, музыку которого паренек в мирной жизни боготворил, на пустынной улице Вены – рядом с ним!

«Я попросил сменить меня на посту, – продолжал свой рассказ Владислав Швец. – Попросил гостя подождать, а сам сходил к командиром и объяснил, с кем встретился. Он разрешил: «Собери ему поесть и прово-

Святая к музыке любовь

Короткая встреча с королем оперетты, великим Францем Легаром, запомнилась советскому солдату на всю жизнь

Юрий Кириллов

Профессор Владислав Швец в конце войны и в наши дни

ди до дома, чтобы не отобрали продукты». Я рассказал обо всем и ребятам, предложил скинуться в общий котел. Вскоре вещмешок был набит сахаром, консервами, мукой, хлебом...

«А чем же закончилась встреча с Легаром?» – спрашиваю.

«Я донес мешок с провизией до самого подъезда. Вел пожилой австриец меня по узким улочкам, рассказывал о трудной жизни. Я понимал не все, но главное было ясно. Я тогда не знал, сколько ему лет, и спросил об этом. Он для убедительности показал на пальцах: 75. У какого-то дома остановились. Он сказал, что поднимется по лестнице сам, что мне не надо заходить в квартиру, а то, мол, его женщины умрут от страха, увидев автомат, с которым, естественно, я не расставался. Еще подумают, что арестовал его, а теперь и с ними пришел...»

Мы попрощались. У стоящей у подъезда старушки я спросил, кто это. «Герр Легар», – уважительно сказала она».

Музыка по наследству

Больше солдатик и композитор не виделись. В тот вечер их часть подняли по тревоге и перебросили за десятки километров от Вены – преследовать по лесам и добивать группы фашистов.

Впрочем, большого значения той встрече Швец не придавал. Лишь спустя годы по-настоящему осознал и оценил, какая ему выпала редкая удача, с каким человеком познакомился.

К музыке Владислава приобщил отец, который работал на строительстве ДнепротЭСа. Он играл на гитаре, ман-

**Когда собеседник
назвался
Легаром, солдат
совсем ошалел.
Всемирно
известный
композитор,
музыку которого
паренек
в мирной жизни
боготворил,
на пустынной
улице Вены –
рядом с ним!**

долине, даже на скрипке. «С детства я участвовал в художественной самодеятельности. Представляете, в нашей школе в Запорожье было три духовых оркестра! В одиннадцать лет я уже играл в одном из них на трубе, и получалось у меня

совсем не плохо, – вспоминает Владислав Александрович. – Ребята шутили: тебя, мол, фамилия обязывает: и швец, и жнец, и на дуде игрец. Часто доводилось играть на танцах в городских парках. Исполняли Штрауса, Листа, Кальмана, Легара. У них ведь

много вальсов популярных, в основе которых – народные мотивы. Эти мелодии запоминались. Уже тогда я знал, что Франц Легар – автор оперетт «Веселая вдова», «Граф Люксембург», «Цыганская любовь», «Ева», «Там, где жаворонок поет», «Желтая кофта»... Вообще биография композитора очень интересна: до 12 лет жил в Будапеште, учился музыке в Праге, в консерватории, у отца, стал, как и он, полковым капельмейстером, потом дирижером в театре. А потом – слава короля оперетты. Я полюбил его творчество по-мальчишески самозабвенно, мечтал глубже изучить его в консерватории. Но война поломала все планы».

В 41-м погиб отец. Слава с тетей осталась в Запорожье. Жили в подвале, прятались от гитлеровцев. Несколько раз попадал в облавы. Подrostков избивали, заставляли рыть окопы. В начале 43-го вместе с другом перешел линию фронта, прибился к какой-то части. Брать не хотели: маленький, худой, лишь шестнадцать с половиной лет. Но упрямый. Форсировал на плоту Днепр, ходил в атаке, мерз в обороне.

Конечно, было не до музыки. Но однажды, перед Яско-Кишиневской операцией, достал трубу – точно такую же, на какой играл до войны. Стал носить ее с собой, исполнять по приказу командира «вечернюю зарю», другие армейские сигналы и мелодии. А в штатный оркестр, точнее, музыкальный взвод, был зачислен только в самом конце апреля 45-го. Играли для австрийцев. Собирались и взрослые, и дети, которых музыканты радовали вальсами Штрауса, а они танцевали и кричали: «Рус, браво!»

Потом Владислав Швец служил почти восемь лет в Мукачево, затем во Львове. Играл в дивизионном оркестре. Хотел поступить в консерваторию, но так как не было среднего образования, то сначала окончил училище. Ходил на занятия в кирзачах и гимнастерке. Был солистом оркестра Львовского театра оперы и балета. А уже после учебы в консерватории стал не только исполнителем, но и наставником молодых музыкантов. Долгое время работал заместителем директора музыкальной школы-интерната, деканом оркестрового факультета Львовской консерватории. Воспитанников не сосчитать – тысячи! И теперь, в семьдесят пять лет, работает с молодежью. «Пример Легара всегда передо мной. Ведь тогда, в сорок пятом, ему было примерно столько, сколько мне сейчас».

По стопам отца пошла и дочь Наташа. А теперь ветеран гордится и успехами внучки Ани – лауреата многих международных конкурсов и фестивалей в Германии, Японии, Чехии, Литве. Ее тепло принимает искусственная английская, французская, австрийская, немецкая публика.

Владислав Александрович признался, что, когда слышит игру внучки, испытывает подлинное счастье. Эта музыка возвращает его и в довоенное Запорожье, и в Вену апреля 45-го, когда ему довелось угощать сигаретам короля оперетты.

Легар братиц